

«Я – не Я»: отождествление, разотождествление и собирание себя. Заметки на полях статьи Энн Эмос

И.Ю. Романов

Романов Игорь Юрьевич – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы Международной психоаналитической ассоциации), психолог, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии имени профессора И.Б. Шада философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Редактор и составитель сборника «Эра контрпереноса», редактор переводов книг М. Кляйн, Р. Хиншеллвуда, Дж. Стайнера и др., руководитель Программы кляйнианских семинаров в Украине, проводимых при поддержке «Мелани Кляйн Троста».

Данная статья представляет собой размышления об идентичности и идентификации, вызванные прочтением статьи Энн Эмос «Идентификация и патологическая идентификация: влияние на развитие идентичности». Доклад Э. Эмос и мой содоклад – ранние версии публикуемых здесь статей – были представлены в феврале 2021 года на 33-м украинском Кляйнианском семинаре, проходящем при поддержке «Мелани Кляйн Троста». В статье затрагиваются темы различных форм идентификации, здоровой и патологической идентичности, клиническое применение кляйнианских теорий идентификации, а также некоторые философские аспекты темы идентичности в контексте определения целей психоанализа и его места в европейской философской традиции.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, расщепление, проективная идентификация, самость, идентификат, зависть, деструктивность, психоанализ.

Прежде всего я хочу поблагодарить Энн Эмос за превосходную статью и возможность еще раз углубиться в одну из сложнейших психоаналитических тем – идентичности и идентификации. Статья Эмос охватывает широкий круг вопросов, предлагает внушительный обзор теоретических работ кляйнианских авторов, а также содержит иллюстративный клинический материал, ярко демонстрирующий полезность теорий

идентификации для клинического мышления. В своих комментариях я вынужденно коснусь лишь некоторых тем, представленных в докладе, а также выскажу несколько соображений по поводу клинических примеров. Своей задачей я вижу выделение вопросов для дискуссии и, возможно, некоторое расширение теоретического и философского контекста заявленных тем.

Мне бы хотелось начать с короткого философского экскурса. Тема идентичности имеет долгую историю в европейской философской традиции и культуре. По мнению некоторых исследователей, первым описанием тождества самосознания в европейской литературе является то место в «Одиссее» Гомера, где Цирцея превращает спутников Одиссея в свиней, но, как сказано в поэме, «нус [νοῦς – ум, самосознание] их остался прежним» (*Onians, quoted by Popper, Eccles, 1977, p. 155*). Искусство классической Греции многократно фиксирует этот переход от мифического мира превращений и «внешнего управления» («психических вторжений», по Додсу) к самосознанию, внутреннему диалогу и в конце концов к философскому тезису Сократа «сам человек – это его душа» (Романов, 2001). Трудно даже упомянуть всех философов, которые размышляли о данном предмете. Но стоит отметить, что в Новое время идея тождества Я = Я стала центральной для европейских мыслителей – от Декарта через Локка и Юма к Канту – и через него для всей немецкой классической философии. При этом положение Локка «тождество личности = тождество сознания = тождество мышления» с некоторыми дополнениями может быть отнесено ко всем философским рассуждениям об идентичности этого времени.

Психоанализ (хотя и не только он) радикально изменил взгляд на человеческую идентичность. С открытием бессознательного, а затем благодаря исследованиям «нашего наисобственнейшего Я» (Фрейд, «Разделение») его равенство себе было поставлено под вопрос. С полным основанием Фрейд назвал психоанализ «ударом по нарциссизму». Развивая фрейдовские идеи, М. Кляйн показывает, что наше Я изначально раздроблено и рассеяно, с трудом и постепенно приходит к единству (через параноидно-шизоидную позицию, преодолевая расщепления и проективные идентификации), и что его идентичность выстраивается на основе идентификаций с объектами в процессе скорби (на депрессивной позиции).

Сравним две цитаты: «...[М]ы можем предположить, что характер Я является осадком катексисов объектов, от которых пришлось отказаться, что он содержит историю этих объектных выборов» (Фрейд, «Я и Оно», с. 318). И: «Но что такое мы? Все, хорошее или плохое, через что мы прошли с самых ранних дней, все, что мы получили из внешнего мира, и все, что мы пережили во внутреннем мире, счастливые и несчастные события, отношение к людям, деятельность, интересы и самые разные мысли – то есть все, что мы пережили, – составляет часть нас самих и выстраивает нашу личность» (Кляйн, «Любовь», с. 249).

Эти высказывания при всей их кажущейся простоте скрывают в себе ряд сложных вопросов. Что такое фрейдовская «первичная идентификация» и отличается ли она от интроекции оставленного объекта и идентификации с ним? Подразумевала ли Кляйн что-то подобное, когда утверждала,

что процессы проекции/интроекции действуют с самого рождения? Как именно интроективные и проективные процессы влияют на финальный результат – выстроенную идентичность себя и другого (как внутреннего и внешнего объекта)? Каковы различия описанных Фрейдом клинических форм: истерической, нарциссической, меланхолической и других типов идентификаций?¹

Энн Эмос пишет: «В анализе у нас есть возможность работать с пациентами, чьи идентификации и дезидентификации выглядят закрепленными и жесткими, и они часто убеждены в своей самодостаточности, отрицают свою зависимость и уязвимость; обвиняют других и убеждены в своем мировоззрении. ... На это можно смотреть с разных точек зрения. Мы можем изучать, как самость и объект относятся друг к другу, рассматривая, как действуют процессы проективной и интроективной идентификации (или проекции и интроекции), но также мы можем посмотреть на более статическую картину и увидеть, каким образом Эго или самость оставлены обедненными и истощенными, и в то же время увидеть нежелательные аспекты самости, которые спроецированы, чтобы от них отречься». Эмос называет «сбивающим с толку» использование терминов «проективная и интроективная идентификация» для описания их одновременного действия в некоторых патологических состояниях. При этом она использует работы Л. Сона, И. Содре, Р. Бриттона, которые при всех различиях словоупотребления описывают сходные механизмы и близкие эффекты: проекцию/эвакуацию уязвимых, нуждающихся, больных частей самости в объект (при отрицании значимости его контейнирующих способностей); интроекцию/присвоение его вызывающих восхищение качеств (восприятие которых окрашено завистливой проекцией); ригидное поддержание основанного на этом расщепления. Проективная идентификация здесь подразумевает дезидентификацию субъекта с частью своих переживаний и отождествление объекта с ними; а также противоположно направленные дезидентификацию объекта с вызывающими зависть качествами и их последующее присвоение. Результат как минимум двояк. Во-первых, «пустотность» идентификаций, образование специфической формации идентификата (*Sohn, 1985*). Во-вторых, ригидность возникающих разделений Я/другой, которые необходимо поддерживать во что бы то ни стало посредством повторяющихся усилий и разыгрываний. Важный момент, отмечаемый многими исследователями: то, что с субъективной точки зрения переживается как отношение с радикально иным объектом, для внешнего наблюдателя выглядит бесконечной серией отражений в нарциссических зеркалах (Романов, 2011).

¹ К сожалению, размышления Фрейда об идентификации разбросаны в разных работах и менялись в соответствии с изменениями его общих теоретических построений. Кляйн также не написала какого-либо законченного текста об идентификации (за исключением одной поздней статьи). Хорошим подспорьем могут служить реконструкции их взглядов, среди которых я бы упомянул работы Г. Этчегоена и Х. Аумады (*Etchegoyen, 1985; Ahumada, 1990*). В докладе Эмос представлен основательный обзор идей современных кляйнианских авторов по данной теме.

Важным теоретическим вопросом является отличие такого рода патологических процессов как от интроекции объекта скорби на депрессивной позиции, так и от «первичной» интроекции/идентификации с идеальным объектом на параноидно-шизоидной позиции. Кажется, первое провести проще, так как отсутствие амбивалентности, скорби, целостного восприятия объекта, переживания раздельности – довольно заметные явления. Но, как мне (и многим гораздо более авторитетным авторам) кажется, здесь можно обнаружить отличия и от более примитивных процессов, описанных Фрейдом и Кляйн: «Все хорошее хочу принять внутрь – все плохое вытолкнуть в другого». Заключаются эти отличия в спутанности хорошего и плохого, субъекта и объекта, от которой призваны защитить ригидные патологические разделения (Стайнер, 2013, с. 175–176), а также в нарушении благоприятного цикла «удовлетворение – благодарность – идентификация с дающим объектом» и замене его порочным кругом «фрустрация – проекция нужды – захват роли всемогущего, дающего (ненуждающегося) объекта» (Spillius, 2007). Если же задуматься о факторах, обуславливающих такое движение в порочном круге, сложно обойти вечную проблему комбинации фрустрации и зависти (или иной формы врожденной готовности к деструктивной реакции).

Так, Г. Этчегоен пишет: «Лично я полагаю, что первые интроекции связаны отнюдь не со скорбью, но с примитивными механизмами, оспаривающими полярность субъекта и объекта и, как я понимаю, в качестве стартовой точки имеющими зависть. ...[З]ависть не терпит присутствия объекта, которого в то же время ищет либидо, и именно в этой диалектической отправной точке возникают в одно и то же время как объектные отношения, так и самые архаические процессы идентификации. ...[М]ы тогда лучше способны понять радикальную и неразрешимую проблему, которая ведет нас к желанию быть объектом и в то же самое время обладать им» (Etchegoyen, 1985, p. 14).

Это рассуждение напоминает мне дискуссию о драме Шекспира «Отелло» (Campbell et al., 2010), в ходе которой Д. Белл и И. Содре обращают внимание на «нигилистическое» самоопределение Яго: «Я – не я». Это избегание определенной идентичности, манипулирование другими с целью эвакуации своих невыносимых чувств и разрушения чужих достоинств характеризуют тип завистливой атаки Яго и – некий тип проективной идентификации, который Р. Бриттон называет «атрибутивной»: «ты есть я» (Britton, 2003). Он противопоставлен другому типу, о котором скорее пишет Этчегоен, когда все хорошее в объекте мгновенно присваивается: «я есть ты». Эти процессы, как отмечает Содре, чаще всего действуют одновременно и параллельно, препятствуют более естественной «ассимиляции» (Heimann, 1942) интроецируемого опыта и скорее способствуя установлению уже упомянутого «идентификата»².

² Интересно подумать, насколько подобные описания противоречат позднему определению Фрейдом идентификации как проявления связующей силы Эроса. Возможно, это противоречие устраняется учетом функции дезидентификации во всех описываемых процессах (Фрейд, «Психология»).

Все эти модели значимы постольку, поскольку могут помочь нам распутывать сложные клубки идентификаций наших пациентов, распознавать их превращения в не-себя и помогать им «прийти в себя». И здесь я хотел бы кратко обратиться к клиническим примерам из доклада Энн Эмос, которые превосходно иллюстрируют ее использование этих сложных теоретических конструкций. В первом случае пациент А, как отмечает автор, ригидно «слит» с аналитиком как с преследующей фигурой (как и с фигурами из своего прошлого и из внутреннего мира – тиранозавром рексом, отцом и т. д.), так что порой кажется совершенно невозможным найти концы и начала этих идентификаций, или, как в анекдоте, рассказанном И. Бренман Пик, понять, «кто первый ответил». Этот случай наводит на размышления о травматическом слиянии с жестокостью объектов (Болебер, 2019) или, в терминах Бренман Пик, об «удовольствии от передачи плохого обращения» (Бренман Пик, 2019). Во втором случае пациента Б идентификации гораздо более подвижны и напоминают скорее меланхолические идентификации в описании Фрейда и Абрахама. Пациент поочередно отождествлял себя с нерадивой матерью и мстящим ей ребенком, и его довольно жестокие атаки на себя в большей степени соответствуют нападениям на «тень объекта» в своем Я, «красной депрессии», по Содре (Sodre, 2005).

То, что поражает в обоих описанных случаях, – это бросающаяся в глаза жестокость, деструктивность и самодеструктивность пациентов. В какой мере она обусловлена внешним травматическим опытом, а в какой, напротив, является неким изначальным (врожденным) фактором, препятствующим благоприятным, питающим и оберегающим интроекциям? Скорее всего, на этот вопрос невозможно ответить в общем виде, и, как часто говорила Бетти Джозеф, его можно лишь исследовать в каждом конкретном случае. Однако у меня складывается впечатление, что ригидность патологических идентификаций без фактора внутренней деструктивности, как бы ее ни называть, объяснить довольно сложно.

Я хочу закончить эту статью несколькими соображениями о пользе размышлений об идентичности и идентификации в нашей каждодневной психоаналитической работе – практическими и снова-таки философскими. Мне кажется, вопрос, о котором мы часто забываем и который полезно себе задавать почаще, двойной. С кем мы разговариваем в данный момент сессии? И кем являемся мы, кто разговаривает с пациентом, с его точки зрения? Я могу вспомнить много примеров из своей практики, когда такие вопросы самому себе приводили к весьма неожиданным результатам. В частности, мне вспоминается пациентка, странный смех которой в ходе анализа оказался смехом ее прошлого психотерапевта, а последний воспринимался сквозь призму нарциссических проекций пациентки – как некто, способный смеяться над всеми человеческими слабостями. Как отмечал Л. Сон, идентификат склонен предъявлять себя всей личностью – в том числе самому субъекту. С другой стороны этого уравнения находимся мы, аналитики, склонные считать себя хорошими, понимающими и помогающими объектами, что может серьезно расходиться с восприятием нас

нашими пациентами. Это, по словам И. Бренман Пик, наша профессиональная болезнь, нуждающаяся в специальном лечении.

Вопрос об идентичности имеет отношение и к самой цели нашей аналитической деятельности. Мне нравится ее описание философом и психоаналитиком Джонатаном Лиром: «Безусловно, психоанализ уже научил нас, что мы должны ожидать: психическая интеграция будет импровизационной, иронической, синкопированной, джазовой и творческой. ... Мы не должны ожидать или хотеть "единства" марширующего оркестра» (*Lear*, 2014, p. 691)³. Действительно, сложный вопрос о смысле фрейдовского *Wo Es war, soll Ich werden* («Где было Оно, должно стать Я») многократно усложнился с открытием раздробленности Я, его способности к рассеянию, патологическим идентификациям и т. д. Заняты ли мы по-прежнему поиском подлинной идентичности, скрытой за фальшивыми напластованиями? Возвращаемся ли к древней идее «собираания себя»? Стремимся ли к расширению, усилению самости/Я или к ограничению ее/его притязаний (и в каком смысле)? Многие аналитики продолжают размышлять над этими вопросами. Например, М. Уэдделл, когда пишет: «Основной вопрос заключатся в том, как нам узнать, что служит основой официальной версии самости в самой самости?» (*Wadell*, 2011, p. 366). Или М. Бриерли, когда утверждает: «Наверное, нам нужно представить две версии самости, даже две самости: признавать нарциссическую самость, узкую, двумерную; но также и более широкую, более щедрую самость, большую самость, трехмерную, истинный субъект мыслей и чувств, самость, которая знает, что не знает себя вполне» (*Brierley*, 2018, p. 91). Сам процесс этого вопрошания важен, и его продолжение принципиально отличает психоаналитические размышления о человеческой идентичности от предшествующей философской борьбы за тождество личности через тождество сознания-мышления – от поиска «единства марширующего оркестра»⁴.

³ Блестящий пример процесса «иронического подрыва» в отношении конфликта женской/мужской идентичности приводится в другой статье Лира, об иронии. Пациентка, г-жа А., осознает некие «мужские» элементы своей идентичности, конфликтующие с ее представлением о себе как о женщине. Что может произойти дальше? «Отметим, что в том, что касается явных социальных проявлений, поведения или даже внутренних осознанных установок относительно собственной идентичности, не существует какого-то конкретного направления, в котором стоило бы двигаться человеку в положении г-жи А. Она может осознанно подтвердить саму форму своей осознанной практической идентичности и далее придерживаться общепринятого образа женственности, с которым она все время жила (но только теперь он будет сопровождаться ироническим чувством его возможностей); либо она может решить подчеркнуть более мальчишескую идентичность; или она может предпочесть игровую смесь; может решить, что она бисексуальна, транссексуальна, кроссгендерна, гомосексуальна – или начать гетеросексуальную жизнь заново. Точка зрения первого порядка на установление гендерной идентичности такова, что анализ не движется ни в каком конкретном направлении. Он просто способствует процессу, благодаря которому отсеченные части самости достигают речи» (*Lear*, 2011, p. 80–81).

⁴ Не менее сильно отличаются они и от современного релятивизма, подменяющего свободу выбора свободой покупателя на рынке идентичностей (*Bell*, 1999). Но это уже немного другой поворот данной обширной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ahumada J.L.* (1990) On narcissistic identification and the shadow of the object. *Int. Rev. Psycho-Anal.* 17, 177–187.
2. *Bell D.* (1999) Introduction: Psychoanalysis, a body of knowledge of mind and human culture. In Bell D. (ed.) (1999) *Psychoanalysis and Culture. A Kleinian Perspective.* London, Tavistock, p. 1–26.
3. *Brearley M.* (2018) The sense of self: generosity or narrow-mindedness? In: Garvey P., Long K. (2018) *The Klein Tradition, Lines of Development – Evolution of Theory and Practice over the Decades.* Oxon, New York, Routledge, Ch. 5, p. 91–102.
4. *Britton R.* (2003) *Belief and Imagination. Exploration in Psychoanalysis.* Hove and New York: Brunner-Routledge.
5. *Campbell D., Bell D., Beale S.R., Hands T., Sodre I.* (2010) *Iago: Shakespeare's Characters on the Couch: DVD.* Institute of Psychoanalysis, London.
6. *Etchegoyen R.H.* (1985) Identification and its Vicissitudes. *International Journal of Psycho-Analysis*, 66:3–18.
7. *Heimann P.* (1942) A Contribution to the Problem of Sublimation and its Relation to Processes of Internalization. *Int. J. Psycho-Anal.*, 23:8–17.
8. *Lear J.* (2011) *Ironic Soul.* In Lear J. (2011) *A Case for Irony. The Tanner Lectures on Human Values.* (With Commentary by Cora Diamond, Christine M. Korsgaard, Richard Moran, Robert A. Paul). Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England, p. 42–71.
9. *Lear J.* (2014) *Wisdom Won from Illness: The Psychoanalytic Grasp of Human Being* *International Journal of Psycho-Analysis*, 95(4):677–693.
10. *Popper K.R., Eccles J.G.* (1977) *The self and its brain: An argument for interactionism.* Springer-Verlag, Berlin, London, New York.
11. *Sodre I.* (1995) Who's who? Notes on pathological identifications. In Sodre, I. (2015) *Imaginary Existences. A Psychoanalytic Exploration of Phantasy, Fiction, Dreams and Daydreams.* London, New York, Routledge, p. 41–55.
12. *Sodre I.* (2005) The wound, the blow and the shadow of the object: notes on Freud's "Mourning and Melancholia". In: R.J. Perelberg, *Freud: A Modern Reader.* London: Whurr, p. 124–141.
13. *Sohn L.* (1985) Narcissistic Organization, Projective Identification, and the Formation of the Identificate. *International Journal of Psycho-Analysis*, 66:201–213.
14. *Spillius E.* (2007) Varieties of envious experience. In: Spillius E. (2007) *Encounters with Melanie Klein. Selected papers of Elizabeth Spillius.* London, Routledge, p. 140–162.
15. *Waddell M.* (2011) From resemblance to identity: the internal narrative of fifty-minute hour. In Mowson C. (ed.) (2011) *Bion Today.* London, New York, Routledge, p. 366–380.
16. *Болебер В.* (2020) Воспоминание, травма и коллективная память: Битва за память в психоанализе // <http://psychoanalysisikharkov.com/воспоминание-травма-и-коллективная-п/>.

17. *Бренман Пик И.* (2019) Лики травмы: между личностным и социальным. «Удовольствие» передавать плохое обращение // <http://psychoanalysiskharkov.com/лики-травмы-между-личностным-и-социал/>.
18. *Доддс Э.Р.* Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000.
19. *Кляйн М.* Заметки о некоторых шизоидных механизмах // Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
20. *Кляйн М.* Любовь, вина и репарация // Кляйн М. Психоаналитические труды: в 6 т. Т. 2: «Любовь вина и репарация» и другие работы 1929–1940 годов. Ижевск: ERGO, 2007.
21. *Романов И.Ю.* «Забота о душе» в исторической перспективе // Вторая навигация / сост. М.А Блюменкранц. М.: Весть-Вимо, 2001, с. 124–154.
22. *Романов И.Ю.* Ненависть к чужому: понимание нарциссизма в кляйнианской традиции // Психоаналитический вестник, Т. 22, №1, 2011, М.: РПО, с. 70–84.
23. *Стайнер Дж.* Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов. М.: Когито-Центр, 2013.
24. *Фрейд З.* Психология масс и анализ Я // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: ООО «Фирма СТД», 2007.
25. *Фрейд З.* Разделение психической личности // Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 288
26. *Фрейд З.* Я и Оно // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.

"I am not what I am": identification, desidentification and self-gathering.

Notes on Anne Amos' paper

I. Y. Romanov

Romanov Igor Yurievitch, a training analyst of Ukrainian Psychoanalytic Society (IPA study-group), psychologist, Ph.D., Associate Professor of J.B. Shadt department of theoretical and practical philosophy of V.N. Karazin Kharkiv National University philosophical faculty. An editor of "Era of countertransference", an editor of translation of M. Klein, R. Hinshelwood's, J. Steiner's and other books, a Head of Ukrainian Kleinian seminars program, supported by Melanie Klein Trust.

The paper presents some reflections about identity and identification evoked by reading Anne Amos' paper "Identification and pathological identification: implications for the development of identity". Both papers were presented in early versions on 33-th Ukrainian Kleinian Seminar, supported by Melanie Klein Trust, in February 2021. In the paper investigated the issues of different forms of identification, pathologic and healthy identity, clinical application of Kleinian theories of identification, and some philosophical aspects of identity topic in the context of definition of psychoanalysis aim and its place in European philosophical tradition.

Keywords: identification, identity, self, identificate, splitting, projective identification, envy, destructiveness, psychoanalysis.